

ИСТОРИЯ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ САМАРЫ В РУКОПИСЯХ

Г.Н. ПОТАНИНА

Середина XIX века остается недостаточно изученным периодом истории и культуры многих провинциальных городов России. К Самаре это замечание относится тоже. До выхода в свет в 1877 г. самого известного из дореволюционных трудов по самарскому краеведению П.В. Алабина¹ отсутствовали публикации развернутых очерков хозяйства, духовной жизни и быта ее горожан. Дневники, письма, воспоминания современников и другие источники в отношении указанных сторон жизни дореформенной Самары весьма немногочисленны, хотя в начале 2000-х гг. постепенно пополнялся круг их публикаций² или переизданий³, они продолжали вводиться в научный оборот⁴.

Для более глубокого проникновения в интеллектуальную и повседневную историю Самары потребовалась работа в Научном архиве Русского Географического общества (НА РГО), которое было основано в 1845 г. Рукописи РГО о сельских жителях Самарского края уже подвергались анализу⁵. Логичным продолжением стало обращение к материалам, посвященным городским обитателям. Особое место среди них занимают две большие по объему работы Г.Н. Потанина «Записки о Самаре» и «Дедушка из Самары», присланные в РГО в 1854 г. Они интересны, во-первых, тем, что являются уникальными памятниками локальной истории с весьма своеобразной исторической концепцией автора, у которого элементы провинциализма и национально-религиозные убеждения сочетались с демократическими взглядами интеллигента-разночинца⁶. Во-вторых, в них до нас дошли историческая память и многие культурные традиции купцов, мещан и других рядовых горожан, бытовавшие в устной форме⁷.

Благодаря почти дословным записям бесед Потанина с информаторами из старожилов Самары, сохранилась «устная история» города, чего не случилось, к сожалению, во многих других местах. Так, обращение к устной традиции соседнего Саратовского края в современных исследованиях фиксирует преимущественно фольклорно-мифологические или художественно-поэтические образы прошлого, к тому же сохраненные преимущественно сельским населением⁸.

Сам Г.Н. Потанин ставил свои неизданные краеведческие труды в один ряд по значимости с литературными произведениями, опубликованными в наиболее читаемых русских журналах, включая некрозский «Современник»⁹. Правда, к изучению истории, повседневности, фольклора Самары Потанин не обращался с конца 1850-х гг., когда он покинул город и край из-за конфликта с губернатором К.К. Гротом¹⁰. Однако он был одним из информаторов Д.Н. Садовникова при составлении известного сборника «Сказки и предания Самарского края»¹¹.

Наиболее плодотворным для исследований Гавриила Никитича Потанина стало время работы в Самарском уездном училище в 1847-1858 гг. Его открытие в 1824 г. вызвало внимание и поддержку верховной власти в лице Александра I¹², что полностью соответствовало общему курсу образовательной политики дореформенной эпохи. В литературе уже признан тот факт, что «главным фактором распространения школьного образования» в российской провинции стали «просветительские усилия властей»¹³. Эти усилия и преобразования были нацелены на стратегическую перспективу модернизации всего строя русской жизни¹⁴. Именно государство создавало в стране целостную систему образования¹⁵. Самарское училище задумывалось и стало не только учебным, но и настоящим культурным, просветительским, общественным центром города¹⁶.

Потанин, по собственному признанию, внял «призыву» со стороны РГО, идею создания которого он считал «великой», и принялся за изыскания, дабы найти в Самаре «общую черту народности, духа, характера, нравов, ума, образования, стремления». Прежде всего, он выделял роль вольных элементов в заселении города и края. Именно «разнохарактерная толпа стрельцов, удаленная сюда Петром Великим, соединившись впоследствии с теми, кто или бежал от своего помещика, или кто был не доволен своей судьбой и родиной, или кто, наконец, укрывался от неумолимого правосудия законов» составила, как он считал, деятельное и успешное самарское «гражданское общество»¹⁷.

Показателен откровенно антидворянский и антикрепостнический монолог местного старожила-купца о русских «барах», с которым самарский учитель, сам бывший крепостной, записавший эти высказывания, был солидарен: «Ты ведь, вишь, наш брат простой, тебе можно баять все; а то ведь ты знаешь пословицу: не трожь дерьмо, не вонят, - ну и будь от него подале! А признаться тебе, больно мне не по нутру наши русски баре [...]. Иной готов отцовску-то деревню протравить борзому кобелю, аль сменять на суку: и за все про все ему же русский простой человек клонится в землю, да зовет его: кормилец. А кормилец-барин оберет русского человека, да выпустит по миру [...] Иной собачий сын барин как напишет в год раз к своему старосте: денег, говорит, подавай, да подчеркнется с такими крючьями: твой, говорит, барин такой-то. Ну, Тарасич и шлет ему остальные крохи. А как дошло до той поры, что голодный год пришел, ну и ступай вся деревня и стар, и мал, по миру собирать да барина прокармливай. Вот те и отец родной угостил, знать, сумой! На то-то, говорит, я и барин, чтобы ел, а

вы - подлецы собирали»¹⁸. В царствование Николая I Г.Н. Потанин не побоялся довести эти настроения купцов и мещан Самары до сведения «императорского» научного общества. Он явно проникнулся вольнолюбивой атмосферой города, жители которого за десятилетие до Великой Реформы добились своего «Юрьева дня» - отмены сыска беглых в Самаре во время волжской навигации, полевых работ, хлебных торгов¹⁹.

Свобода и инициатива легли в основу благосостояния и процветания города: «И самая дикость первожилов, самое своеволие, неповиновение, самая ленность и буйный их разгул, - все это под влиянием благотворного, обильного края превратилось в деятельность, в промышленность, в торговлю». Однако эти же корни порождали у жителей Самары и черты отрицательные, например, несдержанность и нарочитую грубость в словах или поступках. С этим постоянно приходилось сталкиваться и Потанину: «Неприветливость, или, правильнее сказать, грубость обращения с посторонними здесь простирается до невероятия. Самарянин иногда не только не отвечает на ваши вопросы, даже готов вам сделать дерзость или просто разбранить, если вы подоспели к нему не в добрый час. Часто я сам слышал грубый ответ за то только, что необходимость заставляла меня идти подворно искать квартиры»²⁰.

Однако Потанин заметил, поближе пообщавшись и познакомившись с местными жителями, что эта грубость была зачастую маской, обязательной нормой поведения с «чужими», посторонними или, как вариант, инаковерующими. Это же подтверждали его собеседники из старожилов, о чем свидетельствуют записи их рассказов: «Мужчины все почти свирепы в разговорах; знашь, раскольники все здесь; ну, им, знамо дело, и не по нутру наш брат православный. Подойди к нему, - как зверь евдакой, готов кусить тебя, аспид сущий, так и норовит уязвить тебя словом; ну, а нешто по сердцу душевен, даром што евдакой. Есть и в них такие, душу готов отдать; ну а подвернулся не в час - облает. Слово путного не скажет, все с сердцем, так и рычит; а пообойдись с ним, да разнай ево, - душа; просто рубашку с себя скинет и отдаст тебе... Это в них есть, так уж в роду - самарское...»²¹.

«Записки о Самаре» излагаются по следующим подзаголовкам: степи, имя Самары, город, окрестности, народ, жители, религия, управление, характер, склонности, образ жизни, нравы, увеселения, язык. Потанин собирался дополнить отосланные в РГО рукописи «в следующих тетрадах», чтобы представить «физиономии жителей, их старый костюм, дом, дверь и все помещение прежнего самарянина; песню и сказку; пословицы и поговорки; заблуждения, поверья и гаданья»²². Отъезд автора из Самары оставил эти планы неосуществленными.

Дополняет «Записки» «Дедушка из Самары», написанный в виде разговора с местным старожилом. Речь последнего передана так, чтобы максимально отразить в ней особенности здешнего говора. Однако, кроме решения лингвистической задачи, этот прием позволяет автору также дословно изложить народные самарские предания, очерки быта, описания нравов, не подвергая их критике, толкованию или оценке, чтобы сохранить первоизданность изложения.

Непредвзятый взгляд изнутри на провинциальную повседневность купеческо-мещанского большинства горожан позволил увидеть бытование многих идущих из старины обычаев и развлечений, зачастую не заметных людям, хотя и внимательным, но представляющим иную культурную среду, отчужденную от здешних традиций. С другой стороны, Потанин, видимо, исходя из собственных исследовательских интересов, обходил вниманием проявления ряда новых веяний в культуре, достигших Самары. С превращением ее в губернский центр, здесь развивались любительский и профессиональный театр, музыкальное и другие виды искусства, светские развлечения и клубное времяпрепровождение²³. Обо всем этом Потанин или не упоминал вовсе, или говорил вскользь. Зато он постоянно обращался к традиционным формам досуга, среди которых были состязания, требовавшие хорошей физической формы и ловкости: заплывы через Самару и даже Волгу, ныряние под барки и «подчалки»-баржи (иногда разом под две-три поставленные борт о борт), конные скачки, скоростные катания по льду на тройках, любителями и мастерами управления которыми являлись даже женщины. Этим лихие самарские катания отличались от саратовских, проходивших чинно и по городским улицам²⁴. Кулачные бои в Самаре были так же распространены, как и в других русских городах²⁵.

Особенно поразил воображение Потанина местный вариант игры во «взятие снежного городка», которая выходцу из Симбирска, несмотря на географическую близость двух волжских городов, была, очевидно, незнакома, но «очень занимала самарян». Краевед полагал, что происхождение и бытование этой игры связано со скотоводческими традициями степного Левобережья. Особую радость, как ни странно, известие о предстоящей игре вызывало среди пожилых людей, являвшихся самыми благодарными зрителями: «Старики-то все словно праздника какова ждут, чуть где услышит старуха весточку, бежит уж домой: - «Ох, говорит, ребята, скажите, слава Богу, ведь радости-то сколько будет. Буркаляты-то, говорят, сговорились городок поставить у Волги, то-то любо будет посмотреть! на всю Масленицу опять возня пойдет. Спасибо, дай-то Бог за это добро здоровье, да красну невесту, потешут и нас на старости лет...» Игра эта в самарском варианте была чисто мужской по составу участников, оставляя противоположному полу возможность переживать за них: «Молодые люди сговаривались и делали из снега огромную гору, давая ей форму здания, и называли крепостию. Наверху этой крепости

ставили чучело, прозванное почему-то попом. Эту крепость защищали несколько десятков человек пеших, а равносильная этой партия верхами наскакивала на них и лошадьми старалась разбить и размять снеговое укрепление. Те в свою очередь жгутами или ногайками хлытали по лошадям и людям, чтобы отогнать их прочь и защитить себя и крепость. Сумятица была страшная, шумная, крикливая, веселая. При этом, конечно, требовалось много удалства, а в особенности ловкости, чтобы удержать испуганную лошадь и в то же мгновение уметь увернуться от удара противника. Оканчивалось это обыкновенно тем, что один из конных достигал, наконец, вершины здания, ронял попа, стаскивал его вниз, или совсем увозил из крепости в плен, тогда провозглашали удалца большим набольшим (т.е. главнокомандующим для будущей игры). Если он был холост, то, конечно, девицы многое бы дали, чтобы хотя раз взглянуть на эту знаменитость»²⁶.

Важное место в трудах Потанина, что, очевидно, отражало мировоззрение автора, уделялось религиозной жизни, в том числе ее массовым формам, распространенным в купеческо-мещанской среде: местным преданиям, крестным ходам, проявлениям религиозного чувства в быту и критических ситуациях. Так, эпидемия холеры 1830 года стала духовным испытанием и для горожан, и для духовенства, которое много сделало для предотвращения народных волнений и паники²⁷, благодаря чему выросло влияние православия в городе²⁸. Это было актуально в крае, где задача привлечения к церкви раскольников, сектантов и язычников стояла очень остро²⁹. В подтверждение Потанин приводит рассказ старожилы об обращении закоренелого старообрядца: «Лазарь Иванач, бывало навстречу-то идет попу, так плюнет да перейдет на другую сторону, - и глядел-то все вот так... На сажень, знашь, воткнет, зенки-то в землю, часоенной, знашь, был, сталовер главный, а как забрало его да скрючило, так небось во все горло кричал: попа, говорит, мне вашего давайте - вот оно што. Ну, а как пришел Степан Макарыч батюшка, да напутствовал исповедью, по нашему православному, вот и болезнь отошла с него, - оклемался наш Лазарь Иванач; ну, с тех пор в нашу церковь ходит да бедным подает свои гроши. Ды много таких в те-поры сделались православными, кто хотел грешной душе спасенья!»³⁰

Внешние проявления религиозности у жителей Самары были очевидны. Потанин писал: «Самаряне, как православные, так и старообрядцы, все набожны и привержены к церкви. Всякое дело, как-то: отправка судна, начало постройки дома, путь на ярмарку, - вообще куда бы то ни было, начинается у них молебном; строго соблюдаются у всех посты, даже в среду и пятницу; самые дети не едят скоромного в установленное Церковью время; многие из пожилых женщин и даже девиц еще понедельник, т.е. в понедельник держат пост (а многие из стариков и старух совершенно не едят мясного никогда)». Новизна в вопросах веры не приветствовалась не только старообрядцами, ни приверженцами государственной религии. «И потому я должен сказать, - замечал Потанин, - что наши православные христиане не любят молодых священников и новых живописных икон»³¹.

Незадолго перед написанием «Записок о Самаре» был выстроен заново в камне Вознесенский собор (освящен в 1848 г.) с приделом Михаила Архангела (освящен годом раньше - в 1847 г.). Он был украшен иконами модного тогда академического письма, казавшимися излишне реалистичными для почитателей старины. По городу пошел слух, что в угоду одному из благотворителей на одной из икон изобразили семейный портрет: «Да вот лет пять тому назад, вот у Вознесенья-то не хотели некоторые молиться образу Михаила Архангела, да ведь глупость-то тогда кака прошла по городу. Ведь В.А., кажись, в ту пору был попечителем-то при строении церкви; ну, так, вишь, он вместо собору-то Михайловского написал себя, слышь, с дочерьми на образе-то. Ну, вот не хотим молиться; вот и теперь другорядь иные стоят все бочком к иконе-то»³².

Строгое соблюдение церковной обрядности, впрочем, замечал Потанин, «конечно, не мешает бабушке и поворожить». Он указывал, что «искание кладов, привораживание и отвораживание и теперь еще в большом ходу» в Самаре, как и другие суеверия насчет порчи, сглаза, домовых и т.п.³³

Патриархальность «самарян», как тогда они называли сами себя, во времена Потанина прочно держалась даже под напором рыночных и денежных отношений. Несмотря на всегдашнее ворчание стариков на то, что «народ нони испортился», исследователь, который «сколько мог, старался проникнуть в их семейный быт», замечал повсеместно устойчивость традиционных ценностей и отношений: «...В каждом семействе старик-отец или дедушка, или далее брат большак был закон безусловной власти и все ему подчинялось; вследствие этого, само собой разумеется, в семье прекращаются все вражды по одному его слову, и посему в каждом их семействе постоянно царствует святая тишина и покой. Довольство же и обилие страны удаляет от них главные современные пороки: зависть, лихоимство, корыстолюбие. А простота нравов и разьединение с образованным миром не обольщает их пустой роскошью и великолепием, пустым и тщеславным блеском. При всем довольстве, изобилии, богатстве они убеждены твердо, что для них только то хорошо, что дешево, крепко и скромно. От этого они не знают ни щегольства, ни мотовства. А вследствие этого, конечно, при постоянных трудах ещё больше довольства и изобилия, - значит ещё меньше повода терпеть лишение, недостатки и огорчение, ещё меньше повода к раздорам и неудовольствию»³⁴.

Подмеченное Потаниным отчуждение жителей Самары от современных веяний имело и негативные

последствия: «Несмотря на все сношения их с современным человеком, несмотря на все великие интересы, которые их должны бы тесно связывать с современностью, несмотря, наконец, на то, что по своей обширной коммерции они должны вникать и видеть все фазы современного человека, несмотря на все это, они все-таки остались и ещё остаются тем, чем они есть: невежеством и предрассудком». Из всех застарелых предубеждений, которые сохранялись у провинциальных купцов и мещан в середине XIX в., профессиональный учитель выделял «главный недостаток - нелюбовь к общественному образованию», то есть к светской государственной школе. В уездном училище, где работал Потанин, «в таком многолюдном городе учеников собственно коренных жителей Самары весьма не много; большая же часть или дети чиновников, или дети переселенцев»³⁵.

Тем не менее, плоды образовательных усилий властей и работников просвещения давали результаты. В молодой Самарской губернии в 1856 г. в 292 учебных заведениях училось 24185 чел., что составляло 16,3 учащихся на 1000 жителей. По данному показателю эта губерния немногим уступала столичной Петербургской (21,7 учащихся на 1000 жителей), но превосходила Московскую (13,6 учащихся на 1000 жителей)³⁶.

Слова Потанина подтверждают вывод о том, что за первую половину XIX в. «антиобразовательный стереотип поведения городских семей» не был окончательно преодолён³⁷. Это объяснялось, как уже замечено в литературе, недостаточной мотивацией и потребностью населения в школьных знаниях³⁸. Отношение значительной части провинциальных купцов и мещан к школе еще недостаточно изменилось к лучшему по сравнению с концом XVIII в. Среди обучавшихся в 1789-1799 гг. в народных училищах городов Симбирской губернии, куда до 1851 г. входила Самара, выходцы из этих сословий составили только 13%³⁹. Правда, ситуация постепенно менялась к лучшему. Более того, в 1850-е гг. «в купеческой среде проявляется стремление» дать своим детям высшее образование, но это относилось преимущественно к состоятельным купцам из старых губернских городов⁴⁰. В кругу общения Потанина столь образованных представителей купечества не было. Тем не менее, местная администрация осуществляла создание все новых и новых школ в Самаре именно при поддержке органов самоуправления⁴¹, представлявших интересы горожан, как бы ни спорили по этому поводу исследователи⁴². Историки справедливо считают: «Общеобразовательная и общедоступная школа с момента своего возникновения играла для распространения культуры нового времени, особенно в русской провинции, не меньшую роль, чем столичные высшие учебные заведения и научные центры». Она постепенно создавала «привлекательный образ светских наук и учебных предметов в глазах родителей, настоящих и будущих»⁴³.

Кроме характеристики характера, нравов, обрядов, развлечений, образованности самарских жителей в целом и их отдельных половозрастных групп, Потанин дал в своих работах описание хозяйственных занятий. Он уделил внимание скотоводству, извозу, огородничеству, бахчеводству, ремеслам, рыболовству, но главное место отводил «хлебной промышленности» - производству, хранению, перевозке, скупке, продаже, переработке зерна.

После открытия зимнего пути (примерно с 15 ноября) самарские жители всех возрастов, обою пола, независимо от достатка, социального положения, рода основных занятий поголовно включались в хлебную торговлю: «Старый и малый, и дедушка, и бабушка, и тятя, и внучек, и правнук, - все это шнырит по улице, хватает за полу неопытного крестьянина, уверяет, что у них только во всем городе и есть свежее сено, у них только хорошо кормят на постоялом дворе, и вместе с тем допрашивают, что он везет, щупают воз, торгуют пшеницу, умамливают наконец мужика, покупают и тотчас кидают жеребий, кому достанется покупка, и после ещё хвалятся тем, что один другого исправнее надул, провел и обработал хлебное дельце, - как они выражаются»⁴⁴.

Хлеб до весны хранился в многочисленных амбарах. В начале XIX в. их в Самаре было 90, а конце 1840-х гг. - более двухсот. По плану города 1853 года предполагалось строить амбары в виде кварталов с широкими проездами⁴⁵.

Следующий горячий сезон начинался весной, когда основные работы и хлопоты перемещались к речным пристаням: «Весною все задавлены работой: кто грузит пшеницу, кто ловит плавучие карши на дрова во время половодья, кто печет хлеб, и вообще заготавливает все съестное для вновь прибывшего чернорабочего народа бурлаков, плотников, каменщиков, пока они, только что прибывшие, еще не обсмотрелись, еще не обзавелись новым хозяйством. Словом, весною, кто суетится в пристани, тот приготавливает посудыны, там чинят паруса, тут конопатят и смолят лодки и баркы»⁴⁶.

По оценкам современников, самарские пристани были самыми удобными на Средней и Нижней Волге⁴⁷. Особенно это касалось тех, что были устроены на реке Самаре, или Самарке, как местные жители, по словам Потанина, предпочитали ее называть в XIX в.⁴⁸ и как они зовут ее до сих пор.

Для значительной части горожан были не редкостью занятия не только хлебной торговлей, но и собственно сельским хозяйством. Об этом рассказывал один из купцов-собеседников Потанина: «То лошаденку куплю, то коровок парочку, то парней-ти принайму; а там еще, да еще лошадок, так и догнал их до полсотни; коров-та с тридцать было; землицы понаймовал. А тут и скушно стало, - куторок [хутор

– Ю.С.] завел на пожне, туда и перебрались на жительство. С молоду-ти на первину-то дико было после городской-то жизни, все не весело; а как приладилось все, да принялись вплотную за пашней - севка да уборка, да молоченье, и не видно как год[и]к юр[к]нет; а там и еще, да еще!»⁴⁹

Силами местных жителей обеспечить уборку необъятных полей, засеянных пшеницей, было невозможно. После летнего праздника Казанской иконы Богоматери (8 июля по старому стилю) начинался летне-осенний сезон уборки урожая, в которую вовлекались и местные, и пришлые. Потанин так описывал это время: «Конец лета – время заготовки. С Казанской появляется в городе новая громадная масса приходящего с разных сторон народа: косцов, жнецов, и в городе опять сильная деятельность, во все время, пока они прибывают и остаются не нанятыми, не разойдутся на поля для работы. Но вот, наконец, все это во время страды растекается по степи и все вплоть до глубокой осени все чрезвычайно заняты полевыми работами - жнитвом и уборкой хлеба»⁵⁰. Из года в год весь основной «хлебный» ритм Самары повторялся: привоз и скупка хлеба зимой, его перепродажа и сплав весной, летом и осенью - уборочная на своих полях, прием и обслуживание пришлых сельскохозяйственных работников.

Время, описанное Потаниным и его собеседниками, было одним из самых благоприятных для производства и продажи хлеба. Историки установили, что с конца 1830-х до начала 1850-х гг. чистые сборы зерновых по стране в целом не падали, а общий жизненный уровень населения с 1825 по 1856 гг. повышался⁵¹.

Одними из самых запоминающихся в городе событий были пожары. Для Потанина и его собеседников было характерно их восприятие в соответствии с пословицей, что «нет худа без добра». С таким подходом согласны и историки, считающие, что пожары приводили к ухудшению материального положения горожан, но одновременно способствовали «зачистке» города, прежде всего, от плохих строений⁵². Несмотря на приводимые в тексте трагические случаи при пожарах, вывод делался вполне оптимистичный: «Самые опустошительные пожары делают Самару еще обширнее, еще прекраснее». Доказательства тому приводились следующие. Во-первых, «все, что было ветхо, старо, отжило свое время и годилось только на дрова, было сожжено, как дрова». Во-вторых, жители, в конце концов, «поняли необходимость строить здания каменные, которые могут быть, конечно, и выше, и поместительнее; а потому и двор не загромождать лачугами и разными прибавлениями»; стали скупать дворные места у соседей «и построились гораздо просторнее и шире» или «сочли необходимостью переселиться, хоть в отдаленные кварталы города, но все-таки на места удобные и спокойные от огня». В-третьих, росли запросы горожан, которые положительно сказывались на облике города и их самих: «Тот, кто прежде имел черную грязную избу, строил себе после пожара светлицу; кто имел до пожара светлицу, тот ставил себе дом; а с этим, конечно, хоть не у всех, но у многих, появилось желание пожить «баричем» - как они здесь выражаются». Как объяснял Потанину собеседник, «здесь ведь, батюшка Г[авриил] Н[икитич], даром што все полушубки живут да бардачи, мошна-то у них тоже мохната, - расколупнуть их только трудно. Всякому, знашь, почать мешок-то больно неловко, а как он уж раскачетца да вывалит всю начистую, так, смотришь, в одно лето тебе таки палаты устави, что просто любо дорого с стороны-то!...»⁵³

Заканчивая обзор «самарских» рукописей Г.Н. Потанина, можно утверждать, что деятельность РГО в 1840-50-е гг. оказалась эффективным каналом активизации и организации исследований провинциальных краеведов. Эта деятельность, несомненно, стимулировалась интересом губернского, городского, уездного общества к прошлому и настоящему родного края. О Самаре, новом губернском центре России, не только появились публикации в столичных и местной газетах⁵⁴, но и были созданы объемные труды по ее истории и повседневности. Они касались исторических представлений, традиций, культуры купеческо-мещанского большинства горожан, от имени которых выступил самарский учитель Г.Н. Потанин. Спустя более полутора столетий незаслуженного забвения его труды возвращаются как важные свидетельства прошлого Самары.

Примечания:

¹ Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары как губернского города. Самара, 1877.

² Артамонова Л.М. Образование, здравоохранение, культурная и общественная жизнь Самарского края в первой четверти XIX века – начале 1890-х годов // Самарское Поволжье с древности до конца XIX в. Сб. документов и материалов. Самара, 2000. С. 300-357.

³ Классика Самарского краеведения: Антология. Самара, 2002.

⁴ Артамонова Л.М. Истоки провинциальной интеллигенции в симбирских записях дневника И.А. Второва (1791-1793 гг.) // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. Вып. 3. М., 2013. С. 440, 442.

⁵ Смирнов Ю.Н. Материалы о самарском крестьянстве дореформенной эпохи в Русском Географическом обществе и их авторы // Вестник Самарского государственного университета. 2013. № 8.2 (109). С. 65-73.

⁶ Артамонова Л.М. Рукописи Г.Н. Потанина «Записки о Самаре» и «Дедушка из Самары» - замечательные памятники «локальной» истории середины XIX века // Известия Самарского научного центра

Российской академии наук. 2013. Т. 15. № 5-1. С. 233, 236.

⁷ Смирнов Ю.Н. Устная история «молчаливого большинства»: основные вехи прошлого Самары в представлениях купцов и мещан середины XIX века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15. № 5-1. С. 220-228.

⁸ Майорова А.С. Социальная память и ее составные элементы (по материалам письменных источников Саратовской губернии конца XVIII-XIX вв.) // История и историческая память. 2010. №1. С. 64-74.

⁹ Краснов Г.В. Н.А. Некрасов в кругу современников. Коломна, 2002. С. 147.

¹⁰ Артамонова Л.М. Первая реформа Александра II // Родина. 2014. № 4. С. 22.

¹¹ Майков Л.Н. Предисловие // Сказки и предания Самарского края / сост. Д.Н. Садовников. СПб., 1884. С. II.

¹² Артамонова Л.М. Политика в сфере народного просвещения в Поволжье (XVIII – первая половина XIX в.) // Российская история. 2013. № 2. С. 109.

¹³ Дашкевич Л.А. Городская школа в общественной и культурной жизни Урала (конец XVIII – первая половина XIX века): автореф. дис. ... доктора ист. наук. Екатеринбург, 2007. С. 35.

¹⁴ Артамонова Л.М. Просвещение, власть и общество в русской провинции XVIII - начала XIX вв. (юго-восточные губернии Европейской России). Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Самара, 2002. С. 464-465.

¹⁵ Миронов Б.Н. Культурный капитал России за тысячу лет // Экономическая политика. 2013. № 1. С. 81.

¹⁶ Артамонова Л.М. Деревянная голова Минервы. Самарское общество и народное просвещение при Александре I // Родина. 2011. № 7. С. 88.

¹⁷ НА РГО. Р. № 34. Д. 15. Л. 2об.-3об.

¹⁸ НА РГО. Р. № 34. Д. 19. Л. 51-52.

¹⁹ Смирнов Ю.Н. «Юрьев день» губернского масштаба. Отмена проверки паспортов в Самаре в начале 1850-х годов // Центр и периферия. 2012. № 1. С. 4-9.

²⁰ НА РГО. Р. № 34. Д. 15. Л. 3, 23об.

²¹ НА РГО. Р. № 34. Д. 19. Л. 24.

²² НА РГО. Р. № 34. Д. 15. Л.16.

²³ Артамонова Л.М. Культурная среда губернской Самары // История Самары: от воеводского управления до Губернской Думы. Книга первая. Самара, 2011. С. 149-157.

²⁴ Майорова А.С. Народная культура в городах Саратовской губернии в конце XVIII - первой половине XIX века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2013. Т. 13. № 4. С. 82.

²⁵ Бирюкова А.Б. Социокультурное пространство поволжских городов первой половины XIX века. Самара, 2010. С. 246-247.

²⁶ НА РГО. Р. № 34. Д. 15. Л. 25-26.

²⁷ Якунин В.В. История Самарской епархии: историография проблемы // Карельский научный журнал. 2014. № 3. С. 18.

²⁸ Артамонова Л.М. Взаимодействие общества и церкви в русской провинции во время «первой холеры» 1830 года: по материалам Самарского Поволжья // Православные ценности в современном мире: сб. материалов межрегион. науч.-практ. конф. Самара, 2008. С. 391-405.

²⁹ Якунин В.В. История Самарской епархии. Тольятти, 2011. С. 42, 43, 45.

³⁰ НА РГО. Р. № 34. Д. 15. Л. 12 и об.

³¹ НА РГО. Р. № 34. Д. 15. Л. 12 и об.

³² Зубова О.В., Мельникова Н.В., Радченко О.И., Бочков В.А., Подмарицын А.Г. Православные святыни Самарского края. Самара, 2001. С. 50; НА РГО. Р. № 34. Д. 15. Л. 18.

³³ НА РГО. Р. № 34. Д. 15. Л. 19 и об., 27об.

³⁴ НА РГО. Р. № 34. Д. 15. Л. 42об.-43.

³⁵ НА РГО. Р. № 34. Д. 15. Л. 27, 38-39.

³⁶ Артамонова Л.М. Школьные реформы XVIII - первой половины XIX веков в процессе российской модернизации // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 2.2 (93). С. 63.

³⁷ Дашкевич Л.А. Школа в социокультурной среде уральского города конца XVIII - первой половины XIX века // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2006. Т. 45. № 20. С. 221.

³⁸ Миронов Б.Н. Грамотность в России 1797-1917 годов // История СССР. 1985. № 4. С. 145-146.

³⁹ Артамонова Л.М. Самая просвещенная реформа // Родина. 2010. №2. С. 49.

⁴⁰ Майорова А.С. Культурные новшества в среде купечества Саратовской губернии в конце XVIII - первой половине XIX века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2014. Т. 14. № 2. С. 103.

⁴¹ Артамонова Л.М. Просветительская деятельность самарского губернатора К.К. Грота: столичный чиновник в культурном пространстве провинции // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 2 (19). С. 156-161.

⁴² Першин С.В. Формирование органов городского самоуправления в России в последней четверти XVIII - середине XIX в.: региональная историография проблемы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 6-2 (44). С. 150.

⁴³ Артамонова Л.М. Приобщение к культуре и просвещению как источник счастья молодого провинциала конца XVIII века // Счастливые страницы в истории человечества и повседневной жизни людей: материалы Международной научной конференции / Тульский гос. университет. Тула: Изд-во ТулГУ, 2009. С. 19.

⁴⁴ НА РГО. Р. № 34. Д. 15. Л. 36 и об.

⁴⁵ Бирюкова А.Б. Социокультурные аспекты градостроительной деятельности в конце XVIII - середине XIX в. (по материалам Среднего Поволжья) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 6-2 (44). С. 33.

⁴⁶ НА РГО. Р. № 34. Д. 15. Л. 35.

⁴⁷ Смирнов Ю.Н. Жители провинциального города. Самарские рукописи РГО // Центр и периферия. 2014. № 1. С. 18-19.

⁴⁸ НА РГО. Р. № 34. Д. 15. Л. 27об.

⁴⁹ НА РГО. Р. № 34. Д. 6. Л. 90об.; Д. 19. Л. 44об.-45.

⁵⁰ НА РГО. Р. № 34. Д. 15. Л. 35об.-36.

⁵¹ Миронов Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII - начало XX века. 2-е изд. Москва, 2012. С. 219, 234-235.

⁵² Бирюкова А.Б. Проблемы благоустройства и пожарной безопасности в поволжских городах первой половины XIX века (по материалам Саратовской, Симбирской и Пензенской губерний) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12. № 6-1. С. 32.

⁵³ НА РГО. Р. № 34. Д. 15. Л. 2об., 13об.-14; Д. 19. Л. 25.

⁵⁴ Артамонова Л.М. Образ Самары как нового губернского города в русской печати и публицистике середины XIX века // Модернизация культуры: идеи и парадигмы культурных изменений: материалы II Междунар. науч.-практ. конф.: в 3 ч. Ч. 2. Самара, 2014. С. 152-161.